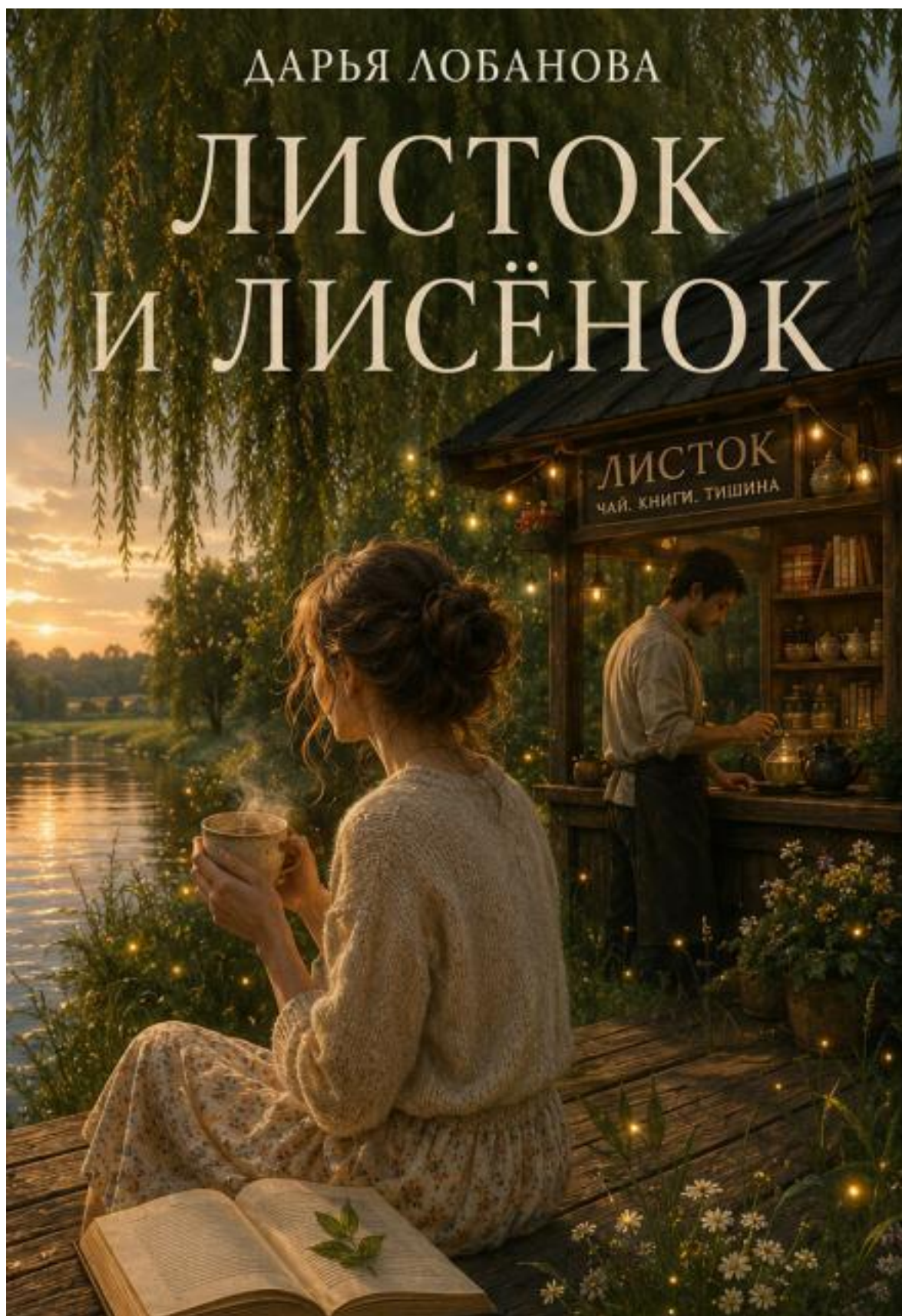

ДАРЬЯ ЛОБАНОВА

ЛИСТОК И ЛИСЁНОК

Дарья Лобанова

Листок и лисёнок

«Литнет»

2025

Лобанова Д.

Листок и лисёнок / Д. Лобанова — «Литнет», 2025

Она купила билет в один конец — не в надежде на любовь, а просто чтобы перевести дыхание. Москва осталась позади: дедлайны, аэрогриль с недоеденной брокколи и книги с закладками на третьей странице. Впереди — Светлогорье, город, где все знают тебя по имени, а лучшая чайная совмещена с книжным магазином. Там её встречает Дмитрий — парень, который заваривает чай как медитацию и рассказывает истории, от которых хочется остаться навсегда. Но Анна приехала всего на неделю. А что, если тихая чашка улуна с персиком и разговор о Чехове под шум реки — это и есть начало настоящей жизни?

© Лобанова Д., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Билет в никуда	5
Глава 2. Дом с синими ставнями	10
Глава 3. Среда у реки	15
Глава 4. Ягоды, цветы и первый рассказ	19
Глава 5. Лес и взгляд	23
Глава 6. Утро с горьким улуном	30
Глава 7. День, пахнувший пирогом и речной водой	35
Глава 8. Прощальный вечер	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Глава 1. Билет в никуда

Анна проснулась от того, что её телефон упал с тумбочки и начал вибрировать прямо на полу возле кровати.

— Это не будильник, — прошептала она, не открывая глаз. — Это уже какой-то приговор.

На экране мигало сразу три уведомления:

1. Zoom: «Ваша встреча начнётся через 27 минут» субботняя (пара по медиааналитике).
2. Trello: «Дедлайн: контент-план для клиента “ЗОЖ-блогер с кефиром” — ПРОСРОЧЕН».
3. Мамулечка: «Ань, ты жива? Ты три дня не отвечаешь!»

Она ответила маме голосовым: «Жива. Пью чай и подключаюсь к паре. Потом работать. Всё хорошо», — и выключила звук. Потом потянулась к ноутбуку, который стоял со вчерашнего дня на одеяле, как преданный, но измученный пёс. Она вчера уснула, доделывая в ночи отчёт по основам искусственного интеллекта в медиаиндустрии, поэтому убирать ноутбук на стол было уже лень. Экран загорелся — 7:03 утра. За окном — серое небо, шум колёс по мокрому асфальту и чей-то гневный гудок. Классический московский рассвет.

Анна училась в магистратуре по медиа-менеджменту, подрабатывала контент-менеджером в трёх проектах одновременно, репетиторствовала по выходным и пыталась не забыть, как выглядит собственное лицо без фильтра. Её распорядок был идеален — если считать идеалом жизнь, в которой ты ешь овсянку по дороге на пару, чтобы сэкономить семь минут.

Анна жила в двадцати минутах пешком от метро, училась на очном отделении, пары с 18:00 до 21:00, а днём работала в офисе в центре. Её день начинался в 7:00: зарядка (15 минут по видео), овсянка с ягодами, дорога в офис — с пересадкой и толпой. Вечером — университет, потом — дом, где она либо готовила обеды на неделю (по рецептам из Pinterest), либо, чаще, жарила картошку в аэрогриле в 23:00, пытаясь оправдать подарок любимой мамы: «Ты же хотела здоровую еду!» — сказала та на Новый год, заказывая коробку размером с микроволновку, находясь при этом в другом городе. Аня переехала ещё 5 лет назад в Москву за образованием и “перспективами”, а родители остались в родном городе, что добавляло тоски в особенно трудные дни, но и мотивации тоже добавляло. Чтобы когда-то у её родителей было всё, чего они захотят, Анна добьётся успешного успеха, чего бы её это не стоило.

Аэрогриль стоял на кухне как памятник добрым намерениям. Иногда в нём действительно запекались куриные грудки. Чаще — замороженные овощи, потому что «хоть так, но без масла».

Сегодня должна была быть «лёгкая» суббота: всего одна онлайн-пара, потом — доделать курсовую и отправить контент-план заказчику. Но вчера, в пятницу, всё пошло наперекосяк.

— Утром на работе клиент потребовал «переосмыслить визуал бренда за два часа».

— Днём она вспомнила, что забыла про тренировку, но всё равно съела овсянку — «ради дисциплины».
— Потом другой клиент «ЗОЖ-блогер» написал в 22:47 (после её занятий): «Анна, а можно добавить ещё 10 постов? И чтобы было больше душевности? И чтобы про кефир, но не про кефир?»

— Вечером, после пары, преподаватель по медиаисследованиям сказал: «Анна, ваш последний отчёт выглядит так, будто его писал уставший кот. Я понимаю, что уже конец модуля и скоро начнётся сессия, но это не повод делать задания спустя рукава».

— А ночью, когда она пыталась запечь брокколи в аэрогриле («надо же использовать!»), прилетело письмо из деканата: «Уважаемая Анна, ваш средний балл упал ниже допустимого. При отсутствии улучшений — отчисление».

Она выключила аэрогриль. Посмотрела на брокколи. Посмотрела в окно.

— Всё, — сказала она. — Хватит быть хорошей.

Она не заплакала. Не в этот раз. Слезы закончились после трижды переделанного контент-плана, который до сих пор на согласовании у руководства. Просто легла на пол кухни и смотрела в потолок, пока соседи сверху не начали переставлять шкаф. Звук скрежещущей мебели стал последней каплей.

В два часа ночи Аня сидела за кухонным столом с чашкой травяного чая. Кофе она не пила — «кофе — это для тех, кто ещё верит в завтра» (ладно, она просто его не любила). Листала старый атлас. Ноутбук был выключен. Телефон — в режиме полёта.

— Хочу туда, где нет Wi-Fi и очень много книг, — сказала она вслух. — Или хотя бы где Wi-Fi работает плохо, но главное, чтобы очень много книг.

Анна обожает читать, но у неё просто физически не хватает на это времени. Когда она училась в школе, она могла читать по одной книге в день взахлёб, но с нынешним количеством задач, времени на любимую отдушину не остаётся.

Её палец скользнул по карте центральной России. Мимо Твери, Ярославля, Костромы... и остановился на маленькой точке у реки — Светлогорье. Название звучало как обещание: светлое, гористое, настоящее.

— Ну, допустим, я поеду туда. На неделю. Просто... подышу.

Она открыла сайт РЖД. Билет в один конец — 1850 рублей. Спасибо социальным льготам для студентов. Выезжает завтра утром.

— Отлично, — сказала она. — Если через неделю я не умру от скуки, значит, это судьба.

Она отменила Zoom-пару («технические неполадки»), написала клиенту: «План отправлю в следующий понедельник. На согласовании у руководства». Собрала рюкзак за 20 минут: три футболки (все чёрные), зарядку, паспорт, блокнот с пометками вроде «идея для поста: почему кефир — это метафора жизни», и книгу — «Чайные дороги Китая», купленную год назад и так и не распечатанную.

— Вот и всё, — сказала она зеркалу. — Я уезжаю от цивилизации. Надеюсь, она не заметит.

Москва простилась с ней без сожаления.

На перроне Казанского вокзала она стояла среди толпы, чувствуя себя как персонаж из дешёвого сериала: «Девушка сбежала от всего». Только без драматичной музыки и красивого пальто — в старом, но очень удобном чёрном худи и кроссовках, в которых уже месяц не было шнурков (один потерялся, второй — без первого уже не актуален).

Поезд тронулся. За окном поплыли рекламные баннеры, офисные центры, стройки, которые никогда не заканчиваются. Анна закрыла глаза и вспомнила, как вчера на паре кто-то сказал: «Медиа — это про скорость».

— А жизнь? — спросила она тогда.

— Жизнь — это тоже медиа по Маклюэну, — ответил преподаватель.

Она решила, что больше не хочет быть медиа. Хотя бы на время.

Светлогорье встретило её... ничем. Оно её не встречало. Её здесь никто не ждал. Она даже как-то при посадке на самолёт обсуждала эту тему с одним из пассажиров. Он сказал, что обязательно должен кто-то ждать там, куда ты едешь/летишь. Но Аня была не согласна. Глупо не ехать куда-то только из-за того, что тебя там никто не ждёт. Поэтому Анна и решилась на путешествие в такую «глушь».

Ни вокзала, ни такси, ни даже вывески «Выезд из города». Только деревянная будка, старый фонарь и дорога, уходящая в лес. Воздух пах хвоей, землёй и чем-то сладким — будто где-то пекут яблочный пирог. Анна вдохнула глубоко, впервые за месяцы не думая о том, сколько кислорода нужно для мозга, чтобы успеть до дедлайна.

Она пошла по дороге. Через час увидела церковь с зелёной луковкой, магазин «Продукты» с надписью мелом «Сегодня свежий хлеб!» и, напротив — деревянный дом с большими окнами и вывеской из состаренного дерева:

«ЛИСТОК»

Чай. Книги. Тишина.

Над дверью висел глиняный колокольчик. Он звякнул — тихо, как будто шепнул: «Ну наконец-то».

Внутри пахло жасмином, бумагой и теплом. Полки с книгами тянулись до потолка. В углу — кресло-мешок, в котором спал кот. У стойки стоял парень в льняной рубашке, пересыпал чай из банки в керамический заварник. Он поднял глаза — тёмные, спокойные, без вопросов.

— Привет, — сказал он. — Ты, наверное, из поезда?

— Откуда ты знаешь? — удивилась Анна.

— Потому что у тебя взгляд, как у человека, который только что вышел из телевизора. Всё ещё мигает.

Она рассмеялась — впервые за неделю.

— Я Дмитрий, — представился он. — А тебя как зовут?

— Анна.

— Анна из Москвы?

— Угадал.

— У нас тут два типа гостей: те, кто приехал из Москвы, и те, кто сбежал из Москвы. По глазам видно, что ты из вторых.

Он поставил перед ней фарфоровую чашку. Внутри — золотистый настой с лепестками белого цветка.

— Это белый чай «Бай Хао Инь Чжэнь», — сказал он. — С грушей и каплей лаванды. В Китае его называют «чай для тех, кто потерял путь». Говорят, он не возвращает домой — он напоминает, что ты уже там.

Анна сделала глоток. Без спешки.

Тёплый. Нежный.

Что-то внутри неё оттаяло.

— Спасибо, — прошептала она.

— Не за что, — ответил Дмитрий. — Здесь никто не платит за чай. Платят за время. А ты, кажется, его потеряла.

Она посмотрела в окно. За стеклом — река, ивы, и ни одной машины. Ни одного уведомления. Ни одного дедлайна.

— Можно я посижу? — спросила она.

— Сколько угодно, — сказал Дмитрий. — Здесь время не воруют. Им делятся. И я всегда рад приятной компании.

Анна достала телефон — всё ещё в режиме полёта. Проверила дату: 12 июня.

— Отлично, — подумала она. — Значит, уезжаю 19-го. Ровно через неделю. Как раз успею на сессию.

Она отпила ещё глоток чая.

За окном закат начал окрашивать реку в розовое. Где-то вдалеке залаяла собака. В углу женщина закрыла книгу и тихо сказала: «Спасибо за сегодня, Дмитрий».

— Это ваша чайная? — спросила Анна.

— Моя, — кивнул он. — И моя библиотека. Каждый, кто сюда заходит, оставляет что-то своё: книгу, историю, иногда — слезу. А взамен получает чай и право просто быть.

Анна посмотрела на полки. Тысячи томов. Старые, новые, с потрёпанными корешками и свежими закладками. Она вдруг вспомнила, как в детстве мечтала открыть такое место. Потом забыла. Потом стала «успешной».

— Можно... я ещё посижу? — спросила она.

— До закрытия — полтора часа, — сказал Дмитрий. — А потом придётся искать, где ночевать.

— О, точно, — сказала Анна, вспомнив про реальность. — Где тут вообще можно переночевать?

Дмитрий усмехнулся.

— Это уже не ко мне вопрос. Но если хочешь — спроси у Лидии Ивановны. Дом с синими ставнями, за церковью. Скажи, что от меня. Только не пугайся, если она начнёт цитировать Пушкина.

Анна кивнула, делая мысленную заметку: «Найти Лидию Ивановну. Не цитировать Пушкина в ответ».

Она допила чай до дна. Тепло разлилось по телу — не как тёплая вода, а как ощущение: всё будет хорошо, просто подожди.

За окном стало темнеть.

Анна знала: завтра она проснётся в незнакомом городе, без плана, без Wi-Fi и без дедлайнов.

И впервые за долгое время это не пугало.

Это было... почти как отпуск.

Глава 2. Дом с синими ставнями

Когда Анна вышла из «Листка» вчера вечером, солнце уже клонилось к горизонту, окрашивая реку в медовый цвет. Она постояла на крыльце, вдыхая прохладный июньский воздух, и впервые за много месяцев почувствовала... пустоту. Не ту тревожную, от которой хочется бежать к телефону, а тихую, почти приятную — как после долгой болезни, когда тело наконец перестаёт болеть.

— Так, — сказала она себе. — Жильё. Нужно найти жильё. И желательно до того, как начнётся эпизод «Девушка ночует в чайной под столом».

Она огляделась. Ни хостелов, ни гостиниц, ни даже таблички «Сдам комнату». Только деревянные домики с цветами на подоконниках и запах древесного дыма из труб.
 — Отлично. Теперь я официально в сцене из «До встречи с тобой», только без инвалидного кресла и с рюкзаком вместо чемодана.

Она вернулась в «Листок». Дмитрий как раз вытирал стойку полотенцем.

— Забыла что-то? — спросил он, не оборачиваясь.

— Нет. Просто... да. Я забыла спросить, где живёт Лидия Ивановна...

Дмитрий задумался, потом кивнул в сторону улицы, не сдерживая улыбки.

— Иди к церкви. Там, за колокольной, дом с синими ставнями. Постучи в дверь и скажи: «Меня прислал Дмитрий из “Листка”». Если Лидия Ивановна не спит — сдаст тебе комнату. Если спит — всё равно сдаст. Она никогда не спит.

— А кто такая эта Лидия Ивановна?

— Бывшая учительница литературы. Преподавала сорок лет. Сейчас читает Пушкина вслух коту и ведёт борьбу с городской администрацией за сохранение старой липы на площади. Если ты не боишься женщин, которые знают наизусть «Евгения Онегина» и могут приготовить компот из одуванчиков, — тебе повезло.

Анна улыбнулась.

— Я выжила в поездке на корпоратив с сорока учителями из начальной школы. Думаю, справлюсь.

 Дом с синими ставнями стоял чуть в стороне от дороги, в окружении яблонь. На калитке висела табличка: «Вход разрешён. Разговор обязателен».

Аня постучала. Дверь открылась почти сразу.

Перед ней стояла женщина лет семидесяти — прямая, как берёза, с седыми волосами, собранными в аккуратный пучок, и глазами, которые смотрели так, будто уже всё про тебя знают.

— А, — сказала она. — тебя Дмитрий прислал? Заходи, не стой на сквозняке. У меня тут компот из малины с мятой. Или чай, если ты из тех, кто не верит в советские напитки.

— Я да... я из Москвы, — сказала Анна, чувствуя себя школьницей на экзамене.

— Ах, Москва, — вздохнула Лидия Ивановна. — Город, где люди бегают, но никуда не приходят. Проходи. Снимай обувь. И не переживай — у меня нет Wi-Fi. Только радио «Орфей» и книжные полки.

Комната, которую Лидия Ивановна предложила, оказалась маленькой, но светлой: деревянный пол, кровать с вышитым покрывалом, окно с видом на реку и... книжная полка. На ней — Чехов, Булгаков, Ахматова и потрёпанное издание «Маленький принц».

— Это моей внученьки комната, — сказала Лидия Ивановна, заметив взгляд Анны. — Она уехала учиться в Питер. Говорит, что скучает. Но не возвращается. Молодёжь теперь такая: мечтает о большом городе, а потом звонит бабушке и плачет в три часа ночи.

— Я не планирую плакать, — сказала Анна.

— Конечно, нет. Все сначала говорят так. Плачь вообще сложно запланировать.

С этим Аня могла бы поспорить. В Московской суете любую истерику нужно планировать заранее, иначе выпадешь и графика и пропустишь важные дедлайны. Но этой милейшей женщине такое знать не обязательно.

Она назвала цену — в три раза ниже, чем в любом хостеле Москвы. Анна согласилась мгновенно.

— Отлично, — кивнула Лидия Ивановна. — Ужин в семь. Если опоздаешь — ешь сама. Но я всё равно накрою тебе на стол. Привычка.

Ужин был простым, но невероятно вкусным: картофельное пюре с грибами, солёные огурцы из погреба и тот самый компот из малины.

— Так ты надолго? — спросила Лидия Ивановна, наливая второй стакан.

— На неделю, — ответила Анна, уверенно. — Просто отдохнуть. От суеты. От... всего.

— Ага, — протянула Лидия Ивановна. — Как все. Приезжают на неделю, уезжают через месяц, а потом присылают открытки с новыми городами и пишут: «Спасибо, вы спасли мне жизнь». Хотя я всего лишь варила компот.

Анна рассмеялась.

— Я не ищу спасения. Просто... хочу вспомнить, как дышать полной грудью, а не в перерывах между двумя работами и университетом.

— Такое не надо вспоминать, — сказала Лидия Ивановна. — Надо перестать мешать себе это делать.

Она помолчала, глядя в окно.

— Дмитрий, кстати, хороший мальчик. После смерти отца уехал из Москвы, купил этот дом и начал заваривать чай. Говорит, что чай — это медитация в чашке. Я сначала думала, что он сошёл с ума. А потом попробовала его жасминовый улун. И поняла: он что он абсолютно прав.

Анна кивнула, но не стала спрашивать подробностей. Это было не её дело. Она здесь всего на неделю и не собиралась сильно дружить с местными жителями, насколько бы милыми они ни были. Она не любила привязываться к людям, про расставание с которыми знала наверняка.

— А ты зачем уехала? — спросила Лидия Ивановна мягко.

— Просто... устала, — честно ответила Анна. — Кажется, я забыла, как просто жить. Всё время должна что-то делать, показывать, доказывать...

— А, это ты по адресу. Здесь ничего доказывать не надо, — сказала Лидия Ивановна. — Здесь достаточно просто быть. Даже если ты просто сидишь и смотришь на реку.

Потом она вдруг спросила:

— Ты читаешь?

— Читала, — ответила Анна. — В школе могла по книге в день глотать. А теперь... даже десяти минут нет. Книги лежат с закладками на третьей странице. Как укор.

Лидия Ивановна кивнула, как будто это объясняло всё.

— Тогда завтра сходи в «Листок». Или просто возьми что-нибудь отсюда. — Она указала на полку. — Дмитрий бы сказал, что у тебя взгляд... как у человека, который давно не держал книгу в руках.

Анна покраснела.

— Он много такого говорит про тех, кого видит впервые?

— Только то, что важно.

Ночью Анна долго не могла уснуть. Лежала в тишине, прислушиваясь к звукам: шелест листьев, далёкий лай собаки, тиканье старинных часов в коридоре. Ни гула машин, ни вибрации телефона, ни тревожного внутреннего монолога: «Ты всё портишь».

Она вспомнила, как в Москве каждую ночь ставила будильник на 6:30, даже в выходные — «чтобы не сбивался ритм».
 — Какой ритм я пыталась не сбить? — спросила она себя сейчас. — Ритм выгорания?

Впервые за год она не думала о завтрашнем дне.
 И это было... приятно.

Утром её разбудил не будильник, а запах свежего хлеба и тихий напев. Лидия Ивановна уже сидела на кухне с чашкой чая и газетой «Светлогорские вести».

— Доброе утро, — сказала она, не отрываясь от статьи. — Хлеб на столе. Масло в холодильнике. Чай — на плите. И да, Дмитрий прислал тебе пакетик белого чая. Сказал: «Пусть начнёт день правильно».

Анна улыбнулась.
 — Он знает, что я здесь?

— В этом городе все знают всё, — ответила Лидия Ивановна. — Особенно если ты пришла из «Листка». Тем более, он сам тебя ко мне отправил, разве не так?

— Всё именно так.

Анна заварила чай. Села у окна. За рекой поднималось солнце.

Она достала блокнот и написала:

*13 июня. День 2.
 — Нашла жильё.
 — Был ужин с Лидией Ивановной.
 — Не умерла от скуки.
 — План: гулять, читать, не думать о Москве.*

Потом добавила:
 P.S. Чай действительно возвращает.
 P.P.S. Сегодня я прочитаю хотя бы одну главу. До конца.

Она закрыла блокнот.
 Сегодня — никаких дедлайнов.
 Только река, книги и, может быть, ещё одна чашка чая в «Листке».

После завтрака Лидия Ивановна не отпустила её сразу.

— Посиди, — сказала она. — Расскажи, чему тебя учат в этом вашем столичном университете.

Анна неохотно начала: про аналитику, про контент, про то, как «всё должно быть быстро, ярко и вовлекающе».

— А душа? — спросила Лидия Ивановна. — Её тоже анализируете?

— Иногда это называют «тональностью бренда», — с горечью ответила Анна.

Лидия Ивановна кивнула.

— Я всю жизнь учила детей читать не для оценки, а для жизни. Чтобы они умели слышать голос автора, чувствовать ритм предложения, видеть мир глазами другого. А теперь, говорят, всё это «устарело». Что важна — скорость.
 — Она посмотрела на Анну. — Но ты ведь не веришь в это? Иначе бы не приехала сюда.

Анна лишь кивнула. Потому что знала: бабушка права.

Через час она уже шла по улице с книгой в руках — «Мартин Иден» Джека Лондона, взятый с полки в комнате. Лидия Ивановна, увидев её, крикнула вслед:

— Если пойдёшь в «Листок» — скажи Дмитрию, пусть заварит улун! И не читай на ходу — упадёшь в реку или в лес уйдёшь и не заметишь!

Анна помахала рукой и улыбнулась.

По дороге она заметила, как утро в Светлогорье живёт своим ритмом:
 — у «Продуктов» уже выставили свежий хлеб и молоко в стеклянных бутылках,
 — рядом с пожилым мужчиной на лавочке сидел кот и смотрел на прохожих с видом философа,
 — из окна второго этажа одного из домов доносилась музыка — кто-то играл на пианино «Подмосковные вечера».

Она дошла до библиотеки — старое здание с колоннами и вывеской «Центральная библиотека им. А.С. Пушкина». Над входом — часы, остановившиеся на 11:07.
 — Наверное, никто не торопится их чинить, — подумала она.

Внутри пахло бумагой и пылью. За стойкой сидела девушка лет шестнадцати с косичками и очками.

— Здравствуйте! — сказала она, увидев Анну. — Вы новенькая?

— На неделю, — ответила Анна.

— А, туристка! — девочка оживилась. — Я Катя. Помогаю здесь по выходным. Вы любите читать?

— Люблю, — честно сказала Анна.

— Тогда вам сюда! — Катя потянулась к полке и вытащила тонкую тетрадь в клетку. — Это мой рассказ. Я хочу опубликовать его в интернете, но боюсь, что он глупый.

Анна открыла тетрадь. На первой странице — заголовок: «Как я спасла лису».

— Он не глупый, — сказала она. — Он... настоящий.

Катя засияла.

— Вы правда так думаете? Может, вы поможете мне его улучшить? Вы же из Москвы, да? Наверняка знаете, как делают контент!

Анна чуть не рассмеялась.

— Я помогу, — сказала она. — Но не как контент-менеджер из Москвы. А как читатель. И давай на «ты». Я не сильно старше тебя. Мне всего двадцать один. А тебе?

— Мне шестнадцать.

— Угадала, — улыбнулась Анна. — У тебя ещё взгляд такой... будто весь мир — черновик, который можно переписать.

Катя покраснела.

— А ты... ты правда читала книги не для школы?

— Читала. В твоём возрасте — по книге в день. А теперь... — Анна вздохнула. — Теперь у меня даже на чай иногда нет времени. Хотя, кажется, в Светлогорье это исправляют.

— Дмитрий даёт чай всем, — сказала Катя. — Даже тем, кто просто смотрит в окно. Говорит, что глаза уставших людей выглядят иначе.

— Серьёзно?

— Ага. Он вообще странный. Но по-хорошему странный. Как старый чайник, который греет лучше нового.

Анна рассмеялась — искренне, легко.

— Ты сама это придумала или это цитата из твоего рассказа?

— Сама! — Катя обрадовалась. — А можно это вставить в рассказ?

— Можно. Только не как цитату. А как мысль героини. Чтобы читалось: «Он был как старый чайник...» — понимаешь?

— Понимаю! — Катя лихорадочно полезла за ручкой. — Запишу!

Она открыла тетрадь, и Анна заметила: на полях — десятки записок, стрелки, сердечки, а в углу — маленький нарисованный силуэт лисы.

— Ты часто рисуешь лис?

— Только когда нервничаю, — призналась Катя. — Или когда мечтаю.

— О чём?

— О том, чтобы уехать. Как ты. Только не на неделю. А навсегда.

Анна замолчала на секунду.

— Не торопись, — сказала она мягко. — Иногда «навсегда» начинается с одного дня. А иногда — с одной чашки чая. Ты ещё успеешь уехать.

— Ты прямо таки философ, — сказала Катя с восхищением.

— Нет, — усмехнулась Анна. — Я уже устала быть умной. Хочу быть просто... здесь.

Катя посмотрела на неё с новым интересом.

— Ты точно здесь всего на неделю?

— Не знаю, — честно ответила Анна. — Но сегодня... сегодня я точно никуда не уеду.

— Тогда давай работать! — Катя пододвинула тетрадь. — С чего начнём?

— С самого начала, — сказала Анна. — С первой фразы. Потому что если она не цепляет — дальше никто не пойдёт.

И они склонились над тетрадью, как две заговорщицы, плетущие не рассказ, а надежду — тонкую, как чайный лист, но настоящую.

Когда она вышла из библиотеки, был уже обед. Солнце припекало, но под ивами было прохладно. Она села на скамейку и открыла «Мартин Иден».
 И впервые за два года прочитала главу — не для анализа, не для цитаты в посте, а просто потому, что захотела.

Потом пошла в «Листок».

Дмитрий стоял у окна, снова пересыпая чай из банки в керамический заварник. Увидев её, кивнул — как будто ждал.

— Решила остаться и на сегодня в Листке? — спросил он.

— На сегодня — точно, — ответила она.

Он поставил перед ней чашку с улуном и персиком.

— Сегодня без интересных фактов, — сказал он. — Просто чай.

Она сделала глоток. Тепло разлилось по телу. За окном пели птицы. В углу спал кот.

Она посмотрела на вывеску над дверью: «ЛИСТОК».
 И вдруг подумала: «Какое странное название для чайной. Но... оно подходит. И месту. И его владельцу».

Но тут же отогнала эту мысль.
 — Глупости, — прошептала она себе. — Я здесь на неделю. Не надо придумывать никакие скрытые смыслы.

— Что-то не так с чаем? — спросил Дмитрий.

— Нет, — сказала она, улыбаясь. — Всё отлично.

Она отпила ещё глоток.
 За окном река отражала небо.
 И в этот момент ей не захотелось никуда торопиться.

Вечером, лёжа в комнате, Анна думала:
 Почему я так быстро почувствовала себя здесь как дома?
 Не из-за чая. Не из-за книг.
 А потому, что меня здесь не оценивают.
 Меня не спрашивают, где мой диплом, сколько у меня подписчиков, успеваю ли я по срокам.
 Меня просто... видят.

И, может быть, впервые за долгое время — не как ресурс, а как человека.

За окном пели сверчки.
 В блокноте она дописала:
 « Я всё ещё планирую уехать 19-го.
 Но сегодня... сегодня я не думала об этом ни разу».

Глава 3. Среда у реки

Утро 14 июня началось не с тревожного вибрационного звука телефона, не с внутреннего монолога «надо успеть», и даже не с мысли о том, когда следующий дедлайн. Оно началось с пения птиц за окном, с запаха свежескошенной травы и с того странного, почти забытого ощущения, что время принадлежит тебе.

Анна лежала в постели, глядя в потолок, и думала: «Что я хочу сделать сегодня?»
Не «что должна», не «что ожидает от меня мир», а именно — хочу.
Этот вопрос казался таким роскошным, что она улыбнулась.

— Хочу читать, — сказала она вслух. — Хочу гулять. Хочу снова сесть в «Листке» у окна и смотреть, как свет играет на поверхности чая.

Она встала, не спеша, без оглядки на часы. В Москве такой ритуал утром назывался «потеря времени». Здесь, похоже, он имел другое имя — жизнь.

На кухне Лидия Ивановна уже пила чай и читала «Светлогорские вести». Увидев Анну, она кивнула:

— Как спалось, красавица?

— Всё замечательно, спасибо. У вас как вчера день прошёл? А то я пришла позже ужина, не успели поговорить вечером — уклончиво ответила Анна, наливая себе компот.

— Умница, что отсыпалась, сил набираешься — сказала Лидия Ивановна. — Вчера Катя прибежала, вся в слезах: «Она уедет, и никто не поможет с рассказом!» Я ей сказала: «Если человек приехал сюда — он уже не тот, кто был вчера. А уезжать или нет — решит река».

— Река? — переспросила Анна, намазывая хлеб маслом.

— Ага. У нас так. Если сидишь у воды и не думаешь о времени — значит, тебе здесь место. Если считаешь часы — пора в дорогу.

Анна задумалась. Вчера, когда она читала на скамейке, она действительно не смотрела на время. Ни разу. Ни единого взгляда на телефон (который, к слову, всё ещё лежал в рюкзаке в режиме полёта. Она только написала родителям сообщение перед отъездом, что поедет туда, где не будет связи, чтобы они сильно не переживали).

— Интересно, — пробормотала она.

— Что интересно?

— Что река решит.

Лидия Ивановна усмехнулась, но ничего не сказала. Она знала: ответ приходит не от слов, а от воды.

После завтрака Анна направилась в библиотеку. По дороге она замечала всё больше деталей: как у старого дома с красными ставнями на подоконнике сидит рыжий кот, как из окна пекарни доносится запах свежего хлеба, как на углу двое пожилых мужчин играют в шахматы на скамейке, не произнося ни слова.

Библиотека встретила её прохладой и запахом старой бумаги. Катя уже ждала у входа, держа в руках тетрадь в самодельной обложке и маленький мешочек с сушёными травами.

— Это тебе, — сказала она, протягивая мешочек. — Бабушка собрала: мята, мелисса, липовый цвет. Говорит, это «чай для уставших душ».

— Передай ей спасибо, — улыбнулась Анна. — А рассказ?

— Я переписала начало! — Катя раскрыла тетрадь. — Теперь так: «Лиса не просила спасения. Она просто смотрела на меня — и в этом взгляде была вся её жизнь».

— Это очень сильно, — одобрила Анна. — Теперь читатель сразу чувствует: это не просто животное. Это судьба. Ты молодец!

— Ты так говоришь, будто сама когда-то смотрела так же, — сказала Катя, внимательно глядя на неё.

— Возможно, — призналась Анна. — Только я смотрела не на лису, а в зеркало. И мне никто не ответил пока, не то, что в твоей истории.

Они уселись за дубовый стол, на котором ещё виднелись следы чернильных пятен — вероятно, от школьных сочинений прошлых лет. Анна не стала править текст напрямую. Вместо этого она спросила:

— Почему героиня именно под кроватью прячет лису?
 — Что она чувствует, когда слышит голоса охотников?
 — А если бы лиса могла сказать одно слово — какое бы выбрала?

Катя отвечала, и с каждым ответом рассказ становился живее. Иногда она смеялась над собственной наивностью, иногда — задумчиво молчала, подбирая точное слово.

— Ты не злой редактор, — сказала она в какой-то момент. — Ты как... проводник. Ты помогаешь мне услышать, что уже есть внутри.

— Может, потому что я сама давно ищу этот голос, — тихо сказала Анна. — Я рада, что могу тебе помочь. Ты очень талантливая. Надеюсь, что уже в скором времени я смогу прочитать твоё произведение в твёрдой, красивой обложке. И чур первый автограф знаменитого автора мой!

— Ха-ха. Договорились. Я дам тебе свой первый автограф! — отшутилась Катя. Но в душе ей было очень приятно, что кто-то уже оценил её авторские начинания.

 Катя посмотрела на неё с новым пониманием.

— Ты ведь не просто отдыхаешь здесь, правда?

— Я... пытаюсь вспомнить, кем была до того, как поехала становиться «успешной».

— И получается?

— Пока — да.

— Тогда не уезжай, — сказала Катя. — Хотя бы ещё пару недель.

— Я подумаю. Мне нужно возвращаться на учёбу. Мне ещё сессию сдавать через шесть дней — ответила Анна. — Но пока я здесь — твой рассказ будет готов. Обещаю.

— Ладно, — согласилась Катя. — Тогда продолжим?

— Давай, мисс писательница, — сказала Анна.

Они погрузились в работу. Время шло незаметно. За окном солнце поднялось выше, и лучи начали пробиваться сквозь листву, рисуя узоры на полу.

Когда они вышли из библиотеки, было уже ближе к обеду. Катя заторопилась домой — бабушка просила помочь с заготовками.

— Завтра приходи снова! — крикнула она, убегая.

Анна осталась у реки. Нашла свою скамейку, села и открыла «Мартин Иден». Прочитала страницу. Потом ещё одну. И вдруг осознала: она не думает о Москве. Ни о дедлайнах, ни об аэрогриле с недоеденной брокколи, ни о том, что «надо быть продуктивной».

Она просто читает.

— Ты всегда, когда читаешь, выглядишь так, будто это спасение от чего-то, — сказал голос рядом.

Аня вздрогнула. Дмитрий стоял у края тропинки, держа в руках два термоса.

— Или, может, наоборот — книги для тебя это способ вернуться к себе настоящей, — добавил он.

— Ты за мной следишь? — спросила она, но без раздражения, а скорее с интересом.

— Я гулял. У нас по средам в «Листке» тихий день. Никого нет до вечера. Только Марфа иногда заходит ближе к закрытию — купить чай на ночь. Так что я вышел... подышать.

— А чай зачем?

— На случай, если встречу кого-то, кто читает так, что не замечает людей вокруг.

Он сел рядом, не слишком близко. Поставил термосы на скамейку.

— Улун с персиком. Или белый с грушей — как в первый день.

— Белый, пожалуйста.

Он отдал ей термос. Они молчали, глядя на реку. Вода отражала небо, ивы, облака. Где-то вдалеке кричала чайка.

— Почему среда — тихий день? — спросила Анна.

— Потому что это мой день. Отец всегда говорил: «Если не оставить один день себе — потеряешь себя в других». Он был журналистом. Всю жизнь слушал чужие истории. А по средам — ходил в лес. Один. Или с самыми близкими людьми.

Анна кивнула. Она поняла: это не просто «выходной». Это ритуал сохранения себя.

— А ты ходишь в лес?

— Иногда. Но чаще — к реке. Здесь тише.

— Твой отец... он жил здесь?

— Нет. В Москве. Но каждое лето мы ездили к деду — в Краснодар. Там он учил меня заваривать чай. Говорил: «Чай — это не напиток. Это диалог между водой и листом. А ты — посредник».

— А теперь ты посредник между чаем и людьми?

— Может быть, — усмехнулся он. — Хотя чаще — просто человек, который не хочет, чтобы другие грустили в одиночестве.

Они снова замолчали. Но это молчание не было неловким. Оно было... полным мыслей и рассуждений. У каждого своих.

— Ты часто берёшь с собой чай на прогулку? — спросила Аня.

— Только когда чувствую, что кого-то встречу и он будет к месту. Я не помешан на чае. Просто это действительно универсальный напиток для большинства ситуаций.

Анна посмотрела на него. В его глазах не было флирта, не было ожидания. Было просто внимание — как будто он видел не «девушку из Москвы», а человека, который тоже устал быть кем-то «особенным», а не собой.

— Спасибо, — сказала она.

— За что?

— За то, что не спрашиваешь, зачем я здесь.

— Зачем спрашивать? — Он усмехнулся. — Ты же уже здесь. Этого достаточно. Не всегда нужно искать первопричину.

Они вернулись в «Листок» ближе к вечеру. Внутри — тихо, как всегда по средам. Дмитрий заварил новый чай, поставил свечу на стойке («чтобы свет не резал глаза»), и ушёл в подсобку.

— Марфа скоро придёт, — сказал он. — Любит сидеть у окна и пить «Шу Пуэр». Говорит, он греет сердце.

Через полчаса в дверь тихо постучали. Вошла пожилая женщина в платке, с тростью и тёплым взглядом.

— Здравствуй, Дмитрий, — сказала она. — Привет и тебе, девушка из Москвы. Лидия Ивановна рассказала.

— Анна, — представилась она.

— Марфа, — кивнула женщина. — Я вижу, ты уже нашла нашу реку. Это хороший знак. Дмитрий заварил ей чай. Марфа села у окна, сделала глоток и сказала:

— Время здесь другое. Не как в городе, где оно бежит. Здесь оно... течёт. Как река. Медленно, но верно.

Она помолчала, глядя вдаль.

— Мой муж говорил: «Если человек задерживается у воды дольше, чем планировал, — значит, душа нашла покой».

Анна опустила глаза. Слова коснулись чего-то глубоко внутри.

Когда Марфа ушла, Дмитрий сказал:

— Она приходит каждую среду. Иногда рассказывает истории. Чаще — просто сидит. И ей этого достаточно.

— Ты хороший слушатель, — сказала Анна.

— Это единственное, чему научился у отца.

Анна села у окна. Открыла блокнот. Написала:

14 июня. День 3.
 — Помогла Кате с рассказом.
 — Прочитала 30 страниц.
 — Погуляла у реки.
 — Поговорила с Дмитрием.
 — Познакомилась с Марфой.

Потом добавила:
 P.S. Тишина тоже может быть разговором.

Вечером, уже в комнате, пришло письмо.
 От университета.
 Тема: «Напоминание: срок сдачи курсовой — **20 июня**».

Анна посмотрела на заметки.
 19 июня — отъезд.
 20 июня — дедлайн.

Она закрыла письмо.
 Не ответила.
 Не запаниковала.
 Просто вышла на крыльцо и посмотрела на реку.

Где-то вдалеке зажглись огни домов.
 И в этот момент она поняла:
 она не хочет уезжать.

Впервые за годы почувствовала: она — дома, где-то кроме родного города.

Глава 4. Ягоды, цветы и первый рассказ

Утро 15 июня встретило Анну не будильником, не тревогой, а запахом мокрой земли и цветущей черёмухи. Ночью прошёл тёплый дождь, и теперь весь город, казалось, дышал глубже. Она вышла на крыльцо босиком — трава была прохладной, мягкой, как ковёр.

— Сегодня можно всё, — сказала она вслух.

— Особенно купаться, — откликнулась Лидия Ивановна из окна. — Вода в реке после дождя — как родниковая. Только не одна ходи. Возьми Катю или Дмитрия.

— А Дмитрий разве купается?

— А кто ж ему мешает? — усмехнулась Лидия Ивановна. — Он не святой. Просто любит свою работу и только кажется отстраненным. — Ты давно не спишь? — спросила она, не оборачиваясь.

— Не хочется тратить ни минуты, — сказала Анна, наливая себе компот.

Лидия Ивановна кивнула.

— Я в твоём возрасте тоже так думала. Что время — враг. Что если не успеешь — всё пропало.

— А потом?

— Потом поняла: время — не враг. Оно просто ждёт, пока ты научишься с ним дружить.

Она помолчала, потом вдруг сказала:

— Хочешь, расскажу, как я оказалась здесь?

— Вы же всю жизнь здесь живёте?

— Всё детство — да. Отец был учителем истории, мама — библиотекарем. Мы жили в этом доме. Летом бегали босиком по росе, зимой катались с горки у церкви. Я думала, что уеду отсюда только в гробу.

— Но уехали?

— В восемнадцать. Поступила в Кембридж. Англия. Филология. Родители продали старую «Волгу» и часть книг, чтобы оплатить первый семестр. Говорили: «Если мир зовёт — иди. Но не забудь, куда возвращаться».

Анна замерла с кружкой в руке.

— И вы вернулись?

— Через семь лет. Защитила диплом, поработала в Лондоне, даже вышла замуж за англичанина... но всё время тянуло сюда. Не ностальгия. Просто... тут мой дом. Она посмотрела на Анну. — Однажды проснулась и поняла: я говорю по-английски во сне, но мечтаю на русском. И мечты — про эту реку.

— Что было с мужем?

— Он отпустил меня. Сказал: «Если твоё сердце там — иди. Я не стану тюрьмой для него». Она улыбнулась. — Через год я вышла замуж за местного учителя физики — Ивана. Он был тихий, умный, с добрыми руками. Чинил всё: от школьных приборов до моего настроения. Мы живём вместе сорок два года. У нас двое детей — сын и дочь. Оба уехали учиться в Москву, потом остались там. Работают. Живут.

Она помолчала, глядя в чашку.

— Три года назад дети позвонили и сказали: «Мам, мы не можем приехать. У нас проекты, дедлайны, малыши в садик не ходят... А папа у нас молодой — пусть приезжает к нам». Она усмехнулась. — Иван собрал чемодан и уехал. Говорит, что помогает с внуками, чинит им краны и учит физике. А мне звонит каждое воскресенье и читает Пушкина вслух — как раньше. Она посмотрела на Анну. — Иногда мне одиноко. Но я не в обиде. Они живут свою жизнь. Я — свою. И если моя жизнь — здесь, у реки, с чашкой чая и книгами, — значит, я сделала всё правильно.

— А вы не хотите переехать к ним?

— Хочу ли я жить в квартире, где нет места для яблони? Где вместо реки — шум метро? Где вместо Кати — соседи за стенкой, которых не знаешь в лицо? Она покачала головой.
— Нет. Мой дом — здесь. Даже если я одна.

— Вы не одна, — тихо сказала Анна.

Лидия Ивановна улыбнулась.

— Вот и славно. Значит, Светлогорье снова принял кого-то своим.

Она улыбнулась. — А ты? Ты выбираешь или просто отдыхаешь?

Анна задумалась.

— Пока... отдыхаю.

— Тогда не спеши с ответом, — сказала Лидия Ивановна. — У тебя есть всё лето.

— И вы ни разу не пожалели?

— Пожалела только об одном: что уехала так надолго. Мама умерла, пока я была в Англии. Не успела попрощаться. Она помолчала. — Но не жалею, что уехала. Потому что только уехав, поняла, что это — мой дом.

Анна опустила глаза.

— А если я не захочу уезжать?

— Тогда не уезжай, — просто сказала Лидия Ивановна. — Мир не рухнет. А Светлогорье всегда радо гостям, которые становятся своими.

— А если я не знаю, кто я без Москвы?

— Тогда останься здесь, пока не вспомнишь. У нас для этого есть чай и книги. И время — целая река.

Катя прибежала к обеду, с корзинкой через плечо и сияющими глазами.

— Сегодня идём в Луговое! — объявила она. — Там луг — как море! Цветов — до самого горизонта! Бабушка говорит, там собирают цветы для чая. И для венков. И просто так — чтобы радоваться.

— А далеко?

— Три километра. По тропинке через лес. Я знаю дорогу!

Но сначала — главное. — Ты же обещала помочь с публикацией? — спросила Катя, внезапно став серьёзной. — Я всё подготовила: текст, заголовок, даже обложку нарисовала. Но боюсь нажать «опубликовать».

— Показывай, — сказала Анна.

Они устроились на кухне у Лидии Ивановны. Катя открыла ноутбук («одолжила у библиотеки на день») и показала страницу на «Литнете». Рассказ назывался «Как я спасла лису», обложка — акварельная лиса на фоне леса.

— Ого, — сказала Анна, — это же круто! Так живо написано — будто ты сама там была.

— А если никто не прочитает?

— Прочитают, — улыбнулась Анна. — В интернете полно людей, которые ждут именно таких историй. Не про кефир и тренды, а про... ну, про лису, которую спасли.

— Ты думаешь, это кому-то нужно?

— А ты сама бы прочитала?

— Конечно!

— Вот и другие прочитают. Главное — не бойся. Лучше написать искренне, чем идеально.

Она помогла Кате заполнить аннотацию, выбрать категории («первый рассказ», «маленький город», «животные как люди»), и нажала «опубликовать».

— Готово, — сказала она. — Теперь его увидят во всём мире.

Катя смотрела на экран с восторгом и страхом.

— Спасибо, — прошептала она. — Ты не просто помогла. Ты поверила. Это было так важно для меня.

— Да ладно, — усмехнулась Анна. — Я просто тоже когда-то боялась нажать «отправить». А потом поняла: если не попробуешь — точно никто не прочитает. Я рада, что смогла тебе помочь! Тем более, твой первый автограф уже у меня.

После этого они отправились в Луговое. Солнце припекало, но в тени леса было прохладно. Катя болтала без умолку: про школу, про мечту стать писательницей, про то, как однажды видела лису на краю поля.

— А ты веришь в знаки? — спросила она вдруг.

— Раньше не верила. А теперь... не знаю. Может, лиса — это просто лиса. А может — напоминание, что ты не одна.

Катя улыбнулась.

— Ты говоришь как Дмитрий.

— Он так говорит?

— Ага. Однажды я спросила, почему он не уезжает отсюда. Он сказал: «Потому что здесь я слышу, как растут травы».

Анна засмеялась.

— Он действительно так сказал?

— Честно-честно!

Они шли по тропинке, и вдруг Катя замедлила шаг.

— А ты знаешь, почему я никуда не езжу на каникулы?

— Думала, бабушка не отпускает.

— Да она бы и рада! Просто... некуда ехать.
Она пнула камешек.
— Родители разъехались, когда я маленькая была. Папа в Казани, мама в Сочи. Иногда звонят, присылают деньги... но на каникулы не зовут. Говорят: «У нас квартира крошечная».
Потом добавила, уже веселее: — Зато у меня есть Бусинка!

— Кто это?

— Моя кошка. Серая, с белым пятнышком на груди. Я её два года назад под дождём нашла — вся дрожала. Принесла домой, бабушка сначала ворчала: «Кто будет за ней убирать?», а теперь сама кашу ей варит с рыбой.
Она улыбнулась. — Бусинка спит у меня около подушки. Лучшая подружка.

— А в школе друзья есть?

— Есть. Но летом все уезжают — кто к родителям, кто на море. А я тут.
Она пожала плечами. — Зато у меня лисы.

— Почему ты их так любишь?

— Ну... они же классные! Ходят такие гордые, по краю леса. Не лезут к людям, но и не боятся. И глаза у них — как будто всё понимают.
Она посмотрела на Анну. — Однажды я видела лису у реки. Стояла, смотрела на воду. Потом обернулась — прямо на меня. И ушла. С тех пор мне кажется, что они... знают, где я есть.

Анна улыбнулась.

— Может, и правда знают.

— Вот и я так думаю! — Катя оживилась. — Поэтому и написала про лису. Вдруг кому-то ещё покажется — она ил он не одни?

— Точно покажется, — сказала Анна. — Особенно тем, кто тоже смотрит на лес со стороны.

Катя засмеялась.

— Ты вообще молодец. Не как взрослые, которые говорят: «Сначала закончи школу, потом мечтай».

— Ну, я пока сама мечтаю, — призналась Анна. — Так что у нас с тобой одинаковые права.

Когда они вышли из леса, перед ними открылся луг.
 Не просто поле — настоящее море цветов: ромашки, васильки, колокольчики, клевер, душица. Воздух пах сладостью и теплом. Где-то жужжали пчёлы, пели жаворонки.

— Вот! — Катя раскинула руки. — Это и есть счастье.

Они босиком бежали по цветам, собирали букеты, плели венки. Катя показала, какие цветы подходят для чая: душицу, зверобой, липовый цвет.

— Дмитрий берёт их для своих смесей, — сказала она. — Говорит, что чай из луга — самый искренний.

— Почему?

— Потому что его не выращивают специально. Его дарит природа.

Анна набрала полную корзинку. Впервые за годы она ничего не делала для результата. Просто радовалась.

Глава 5. Лес и взгляд

Когда Анна вернулась из Лугового, солнце уже не жгло, а ласкало, и даже ветерок нес в себе запах малины. Катя умчалась домой с корзиной цветов и крикнула на бегу:

— Я их в вазу поставлю! И фото выложу!

Анна постояла немного на перекрёстке. Домой не тянуло. Вместо этого ноги сами повернули к реке — туда, где шум воды заглушал мысли.

И там, у самого берега, стоял Дмитрий.

Он был по колено в воде, в той же льняной рубашке, но с закатанными рукавами, и аккуратно срывал малину с куста, держа над ним плетёную корзинку, чтобы ягоды не падали в траву.

— Собираешь ягоды? — спросила она, подходя ближе.

Он обернулся, чуть удивлённо, но без пафоса.

— Ага. Сегодня она особенно сладкая. Хочешь попробовать?

Она кивнула, скинула сандалии и вошла в воду. Прохлада ударила в ступни — приятно, освежающе.

— Ты тут часто купаешься? — спросила, чтобы не молчать.

— Каждое утро. Пока никто не проснулся. Это своего рода ритуал... медитация. А ты?

— Я? В Москве последний раз в бассейне была. И то — полгода назад.

Он усмехнулся, плеснул водой — не в лицо, а рядом, будто проверял реакцию.

Она фыркнула и ответила тем же. Потом засмеялась — искренне, как в детстве, когда брызги летят, а ты не думаешь, как выглядишь.

Они собрали ягоды, потом сели на берегу, под ивой, и ели их прямо из корзинки. Малина была тёплой, сочная, с кислинкой — совсем не как в магазине.

— Ты пробовала чай с настоящей малиной? — спросил он, вытирая пальцы о край рубашки.

— Только из пакетиков. Знаешь, такие — «ягодный микс».

— Фу, — сказал он без злобы. — Это как пить ароматизированную воду и называть это вином. Просто подделка

— Ну, теперь я просто обязана попробовать неповторимый оригинал. Обещаешь заварить нормальный?

— Завтра утром. Если не передумаешь.

— А что, бывают те, кто передумал?

— Бывает. Люди приезжают, хотят «души», а потом понимают, что им просто нужен быстрый Wi-Fi и кофе.

— Я не кофе пью, — сказала она.

— Вот и отлично.

Он встал, протянул руку. Она взяла — не драматично, просто чтобы встать с травы.

— Покажу одно место. Там земляника лучше, чем у реки.

— А далеко?

— Минут десять ходьбы. Если не боишься леса.

— Я не боюсь леса. Я боюсь, что ты заведёшь меня в чащу и скажешь: «А теперь повтори за мной: я — часть природы».

Он рассмеялся — коротко, без пафоса.

— Не заведу. И ничего такого говорить не буду. У нас всё-таки не ретрит. Тем более за бесплатно.

По дороге он вдруг остановился у развилки.

— Я зайду к Лидии Ивановне, — сказала она. — Надо переодеться. И, наверное, вымыть ноги, пока не прошла по помытому полу.

— Хорошо, — кивнул Дмитрий. — Я подожду у «Листка».

Она зашла в дом с синими ставнями. Лидия Ивановна уже накрывала на ужин, но, увидев её, отставила тарелку.

— А, моя речная нимфа! — сказала она. — Я уж думала, ты там останешься до завтра. Вот, держи. — Она протянула банку с компотом. — Малина с липой. Дмитрию передай. Он любит. И скажи, пусть не забывает: у меня завтра варенье из земляники — если не придет, сама принесу и поставлю на стойку.

— Обязательно передам, — улыбнулась Анна.

Пока она переодевалась, взгляд упал на рюкзак в углу. Телефон всё ещё лежал внутри — всё ещё в режиме полёта. Она на секунду задержала руку над ним.

«Если включу — вернусь в ту жизнь. Если не включу — остаюсь здесь. Хотя бы ещё на несколько часов».

Она не включила. Просто застегнула рюкзак и вышла.

У калитки она налила компот в термос и пошла к «Листку». Дмитрий сидел на крыльце, глядя на реку.

— От Лидии Ивановны, — сказала она, протягивая термос. — И с угрозой: если не придёшь завтра за вареньем — она сама придёт.

Он усмехнулся.

— Она так каждый год. А потом ворчит, что никто не ест её заготовки.

Он открыл термос, понюхал.

— Малина?

— С липой.

— Отлично. Значит, сегодня — хороший день.

Он поставил термос между ними. Помолчал.

— Ты не носишь с собой телефон?

— Нет.

— Почему?

Она пожала плечами.

— Потому что... не хочу, чтобы этот день закончился.

Он кивнул. Не стал спрашивать «почему». Просто сказал:

— Тогда давай сделаем так, чтобы он длился подольше.

В лесу было тихо. Только птицы, шелест листьев и где-то вдалеке — журчание ручья.

— Ты тут живёшь давно? — спросила она.

— С детства. Уехал на учёбу, потом поработал в Москве... вернулся три года назад.

— Почему?

— Надоело. — Он пожал плечами. — И отец умер. Остался чайный дом. Решил, что лучше уж им заниматься, чем писать тексты для брендов, которые никому не нужны.

— Понятно.

— А ты? Почему сюда?

— Просто... передохнуть. Всё стало слишком громким.

Он кивнул, будто этого было достаточно.

На поляне он поставил корзинку, достал котелок, горелку и баночку с чаем.

— Тут не нужно электричество, — сказал он, разжигая огонь. — сделаем всё по-старинке.

— А если дождь?

— Тогда попьем холодный. Или вообще не будем пить. Чай — не обязанность.

Она смотрела, как он наливает воду, ждёт, пока закипит, добавляет листья. Движения спокойные, привычные — не ритуал, а просто привычка.

— А зачем тебе столько сортов? — спросила она.

— Разное настроение — разный чай. Иногда хочется чего-то крепкого. Иногда — просто лёгкого и ненавязчивого.

— А сегодня?

— Сегодня — улун. С земляникой. Потому что она прямо под ногами.

Он налил в две глиняные чашки, протянул одну ей.

Чай был тёплым, с лёгкой горчинкой и сладковатым послевкусием — как будто в нём и правда была земляника.

— Вкусно, — сказала она. — Даже не знаю, как объяснить.

— И не надо. Наслаждайся этим днём по полной.

Они сидели молча. Не потому что нечего сказать, а потому что не нужно говорить ни о чём. Где-то щебетала птица. Ветер шевелил ветки. Вода в ручье переливалась на солнце. Было так спокойно.

Потом их взгляды встретились — случайно, на секунду. Он отвёл глаза первым. Она — сразу после. Но уголки губ дрогнули.

Когда они вернулись в город, у «Листка» уже сидела Марфа с вязанием.

— А-а, — сказала она, не глядя. — Значит, вы друг друга нашли.

— Мы просто ягоды собирали, — ответила Анна.

— Конечно. А потом чай пили в лесу. И, наверное, обсуждали смысл жизни.

— Нет, — сказал Дмитрий. — Обсуждали, что пакетированный чай — это обман.

Марфа хмыкнула.

— Ну, хоть не стихи читали.

Катя выскочила из дверей с ноутбуком:

— У меня уже два комментария! Один написал: «Это про меня».

— Поздравляю, — сказала Анна. — Теперь ты официально интернет-звезда.

— А ты мне помогла!

— Сама написала, сама выложила. Я только сказала: «Нажимай “опубликовать”».

— А я думала, ты меня отговоришь, скажешь, что это всё ерунда — призналась Катя.

— Иногда надо просто сделать, — сказала Анна. — А не думать, получится или нет.

Дмитрий поставил на стол чайник с новой заваркой.

— Этот — с мятой и малиновыми листьями.

— Отлично, — сказала Марфа. — Идеален для сегодняшнего вечера.

Когда все разошлись, Анна не пошла к Лидии Ивановне. Осталась у реки. Дмитрий тоже не спешил закрывать «Листок».

— Хочешь ещё раз сходить в лес? — спросил он. — Сейчас там особенно тихо. И звёзды уже вышли.

— А чай возьмём?

— Возьмём. Но на этот раз — ты завариваешь.

Она удивилась.

— Сама? А мне можно?

— Ты же сказала, что хочешь попробовать заварить. Так почему бы не сделать это сегодня?

Дмитрий фыркнул.

— Его величество сегодня в отпуске. Так что — да, тебе можно. Даже рекомендовано.

— Ну ладно... — Она осторожно взяла баночку с чаем, потом горсть земляники, которую они собрали. — Только если испорчу — ты не скажешь «я же предупреждал»?

— Обещаю. В худшем случае скажу: «Ну, зато попробовала».

Она кивнула.

В «Листке» она впервые подошла к полкам не как гостя, а как... хозяйка этого вечера. Выбрала баночку с улуном, взяла малиновые листья, немного мяты — ту, что Катя принесла утром. Дмитрий молча подал ей котелок и спички.

— Вода уже горячая, — сказал он. — Огонь — там.

Она разожгла костёр сама. Налила воду. Добавила чай. Ждала. Потом — бросила листья.

— Ты уверена, что не переборщила с мятой? — спросил он, глядя, как она мешает ложкой.

— Нет. Думаю, ты выживешь.

Он усмехнулся.

Когда чай был готов, она налила ему первому.

— Попробуй.

Он сделал глоток. Помолчал.

— Слишком много мяты.

— Ой...

— Но... мне нравится.

Она рассмеялась — тихо, почти шёпотом.

Над головой зажглись звёзды. Сначала одна, потом десятки. Река шумела, костёр потрескивал, а между ними — чай, который она сделала сама. Для него.

— Спасибо, — сказал он.

— За что?

— За то, что не боишься пробовать.

Она посмотрела на него. Взгляд задержался чуть дольше, чем нужно. Потом она отвела глаза — но улыбка осталась.

Ночью, уже дома, она открыла блокнот. На чистой странице написала:

15 июня. День 4.

- Помогла Кате опубликовать рассказ.
- Ходила в Луговое.
- Собирала цветы.
- Купалась в реке с Дмитрием.
- Ела ягоды прямо с куста.
- Была в лесу. Пила чай под открытым небом.
- Заварила чай. Сама. Для него.

Потом, чуть ниже, карандашом, почти незаметно:
А вдруг я не уеду?

Она посмотрела на строку. Потом провела по ней пальцем — не стирая, а запечатлевая.

За окном кричала сова.
Река шептала что-то старое и доброе.
И Анна поняла: она счастлива.
Просто. Без условий. Без «потом».
Сейчас.

Но впервые за эти дни счастье имело имена.
И это имена эти были — Дмитрий, Катя и Лидия Ивановна.

Глава 6. Утро с горьким улуном

Анна проснулась не от будильника, не от тревожного внутреннего монолога «надо успеть», а от того, что Лидия Ивановна пела «Калинку» под окном, поливая грядки с малиной. Солнечные зайцы плясали на стене, и в воздухе витала сладкая пыль.

— Ну, доброе утро, — пробормотала она, натягивая футболку вместо ночнушки. — По крайней мере, не Zoom-звонок. Дальше последовала обычная утренняя рутина: умывание, аккуратная причёска после сна, небольшая медитация под напевания Лидии Ивановны.

На кухне её ждал завтрак и неизбежный вопрос:

— Ну как, — спросила Лидия Ивановна, не отрывая взгляда от компота, — чай вчера получился?

— Вы знаете?

— В этом городе все всё обо всех знают. Особенно если чай заваривали у реки, а потом смотрели на звёзды до полуночи.

Анна покраснела.

— Мы просто... пили чай.

— Ага. Как Наполеон с Марией-Луизой — просто гуляли по саду.

— Лидия Ивановна!

— Ладно, ладно. — Та усмехнулась. — Главное, что ты не вернулась с пустыми руками. Ни в прямом, ни в переносном смысле.

Анна налила себе только что сваренный компот, села у окна. За рекой уже ходил Дмитрий — не с корзинкой, а просто так, с чашкой в руке. Увидев её, помахал.

— Он тебе махнул, — прокомментировала Лидия Ивановна. — А ты сидишь, как студентка перед экзаменом. Иди уже, пока не передумал.

— Передумал что?

— Заварить тебе нормальный чай. Вчера, говорят, ты его чуть не отравила мятой.

— Это была земляника!

— Для него — одно и то же. Он привык к точности. А ты... ты принесла хаос. И, судя по всему, он не сильно против.

 Разумеется, просто так пойти Анна в чайную уже не могла. Она решила приодеться, она как раз взяла с собой в дорогу одно платье. Чёрное, ниже колена, свободное, но подчёркивающее всё что нужно.

В «Листке» было тихо и пусто. Дмитрий стоял у стойки и что-то пересыпал в стеклянную банку. Увидев её, кивнул с той самой полуулыбкой, что теперь будоражила её сердце:

— Привет. Ты вовремя. Я как раз испортил улун.

— Как?

— Перегрел воду. Теперь он горчит, прямо как моя первая попытка заварить жасмин.

— Серьёзно?

— Ага. — Он протянул ей чашку. — Попробуй. Может, ты спасёшь ситуацию мятой?

Она сделала глоток. Действительно — горько, не ожидала, что ты тоже так можешь.

— Ну... можно добавить мёд?

— Мёд с улуном? — Он притворно схватился за сердце. — Это как кетчуп на мороженое.

— Ага, прости, забыла: я же не прошла курс «Как не оскорбить чай».

Он рассмеялся, и звук этот был таким же тёплым, как чашка в её ладонях.

— Ладно, забудем. Заварю новый. А этот... отдам Марфе. Она любит всё горькое — говорит, «так жизнь вкуснее».

Они сели у окна. За стеклом кот спал на подоконнике, свернувшись клубком, мирно посапывая.

— Катя сегодня не приходила? — спросила Анна.

— Приходила. Принесла ноутбук и кричала: «У меня уже пять комментариев!» Потом убежала, потому что «надо писать продолжение».

— Пять? — Анна улыбнулась. — Отлично.

— Она сказала, что ты — её муза.

— Я? Я просто сказала: «Нажимай “опубликовать”».

— Иногда этого достаточно, чтобы кто-то поверил в себя.

Он помолчал, потом спросил, и вопрос его прозвучал не как упрёк, а как искренний интерес и доверие:

— А ты когда-нибудь писала что-то своё? Не для учёбы. Не для клиентов. Просто... для себя?

Анна замерла. Этот вопрос висел в воздухе между ними с самого первого дня.

— Давно. В школе. Потом... некогда стало.

— Жаль. Тебя очень интересно слушать. Даже когда ты рассказываешь какую-то историю из жизни.

— Это комплимент или диагноз?

— И то, и другое.

Она усмехнулась. И вдруг — без страха, почти на автомате — достала телефон из рюкзака. Включила.

Письма посыпались одно за другим, как град по крыше:

— Мама: «Ты жива?»

— Деканат: «Напоминание: курсовая — 20 июня».

— Клиент: «Анна, а кефир на фото можно сделать с персиком?»

Она ответила маме, и слова легли сами собой, без привычного напряжения:

«Жива. Пью чай. Всё хорошо. Целую.»

Письмо от деканата не удалила. Просто оставила открытым, как нерешённую задачу, которая больше не пугала.

— Ты в порядке? — спросил Дмитрий.

— Да. Просто... вспомнила, что у меня есть ещё одна жизнь. Там, за экраном.

— И что ты с ней сделаешь?

— Не знаю. Но, может, не надо выбирать между «там» и «здесь». Может, можно взять лучшее от обеих?

Он посмотрел на неё, и в его глазах читалось одобрение.

— Ты только что придумала новый сорт чая. Назовём его «Москва-Светлогорье».

— Только не говори, что он будет с кефиром?

— Обязательно.

Позже, когда солнце поднялось выше и растопило утреннюю прохладу, в «Листок» вбежала Катя — с ноутбуком, растрёпанными косичками и сияющими глазами.

— У меня уже десять лайков! — выпалила она, едва переведя дух. — И один человек написал: «Вы спасли мой день».

— Правда? — Анна подошла ближе, чувствуя неподдельный интерес. — Что он ещё написал?

— Вот: «Я тоже нашёл лису. В прошлом году. После развода. Она смотрела на меня из-за кустов — и я понял: я не один».

Катя замолчала, потом тихо добавила, и голос её дрогнул:

— Я не думала, что кто-то прочитает... и поймёт.

— Люди всегда ищут тех, кто думает то же самое, что и они, — сказала Анна. — Только не могут сказать это сами.

— А ты? — спросила Катя, устремив на Анну пыливый взгляд. — Ты когда-нибудь писала что-то такое... настоящее?

Анна задумалась. Сегодня этот вопрос ей уже задавали, но даже второй раз давать на него честный ответ было затруднительно.

— Нет. Я писала для клиентов. Для оценок. Для дедлайнов. Но для души давно этого не делала. Так что это уже не считается.

— А хочешь попробовать?

— Не знаю... — Анна посмотрела на Дмитрия, ища поддержки. — Боюсь, что у меня не получится. Я даже не знаю, что можно написать. У меня никаких идей.

— А если не думать о результате? — сказал он. — Просто написать. Как ты вчера заваривала чай. Не идеально. Но — по-своему. Придумала свой рецепт.

Катя кивнула с таким энтузиазмом, что косички заплясали.

— Да! Пиши! Я даже место знаю — в библиотеке, у окна. Там тихо, и солнце падает прямо на стол. Идеально для вдохновения.

— Ладно, — усмехнулась Анна, сдаваясь под напором этой двойной атаки. — Но если получится ерунда — вы оба обязаны сказать: «Ну, зато попробовала».

— Обещаю, — сказал Дмитрий.

— И я! — подхватила Катя.

Когда Катя умчалась, окрыленная успехом, в чайной снова воцарилась тишина. Анна открыла ноутбук, и первым делом зашла в университетскую почту. Не из страха — из любопытства и нового, странного чувства ответственности перед самой собой. Она написала научному руководителю, с которым пишет курсовую, и слова складывались легко, будто она наконец-то нашла правильный код:

«Здравствуйте! Я сейчас нахожусь не в Москве, но работаю над курсовой. Возможно ли сдать её дистанционно? Готова предоставить подтверждение места проживания и согласовать формат».

Она отправила письмо и откинулась на спинку стула. Через два часа пришёл ответ, сухой и лаконичный:

«Да, возможно. Нужно согласовать тему и прислать план. Жду».

Она перечитала письмо три раза. Потом вышла на улицу и глубоко вдохнула. Воздух пах хвоей, малиной и чем-то новым — надеждой, которая наконец-то обрела конкретные очертания.

Вернувшись в «Листок», она застала Дмитрия за разговором с незнакомой женщиной с блокнотом. Он говорил об энергии воды, о том, что чай впитывает мысли, и Анна снова увидела в нем не просто парня с чайником, а мастера, жреца своего дела. Когда девушка ушла, Дмитрий подошел, выглядя немного уставшим, но довольным.

— Катя, оказывается, наш главный маркетолог, — усмехнулся он. — Ее рассказ в городском паблике запустил цепную реакцию.

— Так ты стал звездой?, — поддразнила Анна.

— Звезда здесь — Катя. А я... просто предоставляю площадку.

И тогда Анна рассказала ему о своей идее. О курсовой, которая могла бы быть не скучным отчетом, а живым исследованием о «Листке», о том, как рождается настоящее сообщество. Дмитрий сначала нахмурился, но, выслушав, согласился. Его рассказ о прошлом, о выго- рании, о кругосветке и китайском мастере, стал для Анны не просто материалом, а ключом к пониманию всего, что её сейчас окружало.

Их снова прервала Лидия Ивановна, появившаяся на пороге с пирогом «Наполеон».

— Что-то вы тут очень серьезные, — заявила она. — Чай остывает, а мысли перегреваются. Вот, держите. Разбавит вам умствования.

— Лидия Ивановна, вы как всегда вовремя, — рассмеялся Дмитрий.

— Я всегда рядом, когда чувствую, что моих детей надо покормить, — бросила она и, кивнув Анне, удалилась, оставив за собой шлейф запаха свежей выпечки и безраздельной заботы.

За пирогом и новым, идеально заваренным «Те Гуань Инь», Анна призналась, что написала и небольшой текст для себя, пока ждала ответа из университета.

— О страхе, — сказала она. — О том, что мы боимся не ошибок, а их отсутствия. Боимся прожить жизнь без единого настоящего, неидеального провала. Как тот твой горький улун. Он был неудачей, но он всё ещё имеет место быть и от него одного, никто не посмеет закрыть весь бизнес, который ты выстраивал долгие годы.

Дмитрий внимательно слушал, не перебивая.

— Знаешь, что говорят о горьком чае? — сказал он наконец. — Что он очищает вкус, подготавливает его для нового, более тонкого восприятия. Может, и в жизни так.

Вечером, вернувшись домой, Анна не стала листать соцсети. Она открыла чистый лист в блокноте и написала:

Что, если я останусь?

Не навсегда. Не сразу.

Но хотя бы... попробую.

Что, если я найду способ учиться дистанционно?

Что, если я начну писать не только для клиентов, но и для себя?

Что, если здесь — не побег от всего старого, а начало чего-то нового?

Она закрыла блокнот. За окном река шумела, как всегда. Но теперь она слушала не только воду, а и себя. Свой новый, едва родившийся, но уже бесстрашный голос.

На следующее утро, 16 июня, она сделала новую запись:

16 июня. День 5.

— *Дмитрий вчера ошибся с чаем.*

— *Я не испугалась этого.*

— *Катя получила первый настоящий отклик.*

— *Я написала в университет.*

— *Я начала писать свой рассказ (хотя неплохо было бы писать курсовую).*

P.S. А вдруг можно всё? И чай, и книги, и Москва... но по-другому?

Она вышла на крыльцо. Солнце только-только поднималось над рекой. Где-то вдалеке лаяла собака. Из окна Лидии Ивановны доносился запах свежего хлеба.

И в этот момент Анна поняла: она больше не «гостя на неделю». Она — часть этого места. Пусть пока только на одну неделю. Но это уже было настоящее начало.

Глава 7. День, пахнувший пирогом и речной водой

Предпоследний день в Светлогорье начался не с будильника, а с густого, сахарного аромата, который просочился сквозь щель под дверью и мягко разбудил Анну. Она спустилась вниз и застыла на пороге кухни, наблюдая за картиной, словно сошедшей с полотна голландского мастера: Лидия Ивановна, в белоснежном переднике, с седыми волосами, убранными в тугой пучок, властвовала над столом, уставленным глиняными мисками. В них бушевало цветочное безумие: малиновая руда, черная смородиновая ночь и алое, терпкое облепиховое варенье, которое она с силой перемешивала в огромной кастрюле.

— А, проснулась! — бросила она, не отрываясь от своего занятия. — Решила, что в твой последний полноценный день нельзя ограничиваться бутербродами. Надо сделать что-то основательное, чтобы память осталась не только в голове, но и в теле, в кончиках пальцев. Поможешь старухе пирог сварить?

«Сварить» пирог? Анна мысленно подняла бровь. Её кулинарный опыт в Москве ограничивался разморозкойпельменей и заказом суши. Но здесь, в этой пропитанной древними запахами кухне, процесс казался не рутиной, а сакральным действием.

— Это не просто пирог, — пояснила Лидия Ивановна, словно читая её мысли. — Это курник. Старинный, обрядовый. В нем всё, как в жизни: и сытно, и кисло, и сладко. Слоеный, с гречневой кашей, рубленным яйцом, отварной курицей и, главное, с этими ягодами. Кислинка должна оттенять сытность, как труд оттеняет отдых.

И она, как полководец перед битвой, начала раздавать указания.

Рецепт курника от Лидии Ивановны

Основа — это тесто. Его нельзя торопить.

Лидия Ивановна насыпала на старый деревянный стол горку муки, точнее, целый Эверест, сделав в центре углубление, как кратер вулкана.

— Сюда, — ткнула она пальцем, — три яйца, щепотка соли, стопка растопленного сливочного масла и вода. Но не кипятком, а парное молоко, чтоб жизнь была ладной. Замешивай.

Анна нерешительно влила жидкость в кратер. Лидия Ивановна наблюдала, скрестив руки.

— Не муку с водой смешивать, а чувствовать его, — сказала она. — Оно должно стать живым, теплым, как ладонь любимого человека. Мни, дыши с ним в одном ритме. Видишь, как оно начинает отзываться?

Анна месила. Сначала неуклюже, потом, подчиняясь ритму, всё увереннее. Ладони утопали в упругой, податливой массе. Пахло мукой, маслом и чем-то безвозвратно утраченным — бабушкиной деревней, куда она ездила в детстве. Она месила, пока мышцы предплечья не заняли приятной усталостью, а тесто не превратилось в идеально гладкий, дышащий шар.

— Вот, — Лидия Ивановна прикрыла его полотенцем. — Пусть поспит часок, пока мы начинку колдуем.

Пока тесто отдыхало, они собирали «слои жизни».

— Гречку запарим кипятком, чтобы рассыпчатой была. Яйца порубим помельче, с укропом. Курицу разберем на волокна, солью-перцем. А ягоды... ягоды просто промоем. Они и так — готовое чудо.

Анна, следуя указаниям, погружалась в почти медитативный процесс. Рубить зелень. Чувствовать, как ломаются под пальцами вареные яичные белки. Отделять нежные волокна курицы от кости. Это была простая, честная работа, результат которой был виден сразу. В отличие от сизифова труда по написанию рекламных текстов.

Сборка.

Лидия Ивановна раскатала тесто в два больших пласта.

— Нижний — это фундамент. На него — каша. Потом — яйцо. Потом — курица. И сверху, как вспышка радости, — ягоды. Накрываем вторым пластом, зашпицовываем края, как будто запечатываем в конверт всё хорошее, что было сегодня.

Анна с помощью ножа вырезала из обрезков теста неуклюжий цветок и прилепила его на середину.

— Красиво, — одобрила Лидия Ивановна. — А у нас с тобой какой союз получается? — подмигнула она.

— Союз тех, кто нашел друг друга в нужный момент, — улыбнулась Анна, и в шутке не было ни капли шуток.

Когда пирог, намазанный желтком, отправился в печь, Анна почувствовала не просто усталость, а глубочайшее удовлетворение. Она была в муке с ног до головы, но была счастлива.

— А теперь иди, окунись, — велела Лидия Ивановна, смахивая со лба пот. — Пирогу два часа томиться, а тебе надо смыть труд перед праздником. Иначе все тревоги в тесто въелись, с ними есть будем.

На сей раз Анна отправилась на реку с единственной целью — принадлежать только себе и воде. Она пришла на свою уединенную бухту, скинула сандалии и одежду, оставшись в старом, выцветшем от соленой воды синем купальнике-бандо. Воздух был звенящим, напоенным запахом нагретой хвои и влажного песка.

Она вошла в воду не спеша, давая коже привыкнуть к прохладе. Сначала ступни утонули в мягком, илистом дне. Потом вода обняла лодыжки, колени, бедра, погладила живот. Дойдя до глубины, она оттолкнулась и поплыла. Не для спорта, не для галочки. Медленным, глубоким брассом, задерживаясь в фазе скольжения. Руки мягко рассекали воду, тело было обтекаемым и легким. Она смотрела вглубь, где в золотых лучах, пробивавшихся сквозь толщу, танцевали пузырьки воздуха и покачивались водоросли.

Потом перевернулась на спину, раскинула руки и закрыла глаза. Мир сузился до тактильных ощущений: прохлада, поддерживающая затылок; легкая рябь, ласкающая плечи; солнце, прижигающее веки алым светом. Звуки доносились приглушенно, как из другого измерения: отдаленный стук дятла, стрекот кузнечика на берегу, собственное ровное дыхание. Она мысленно разжимала кулаки, отпуская одну тревогу за другой. Ощущение контрольного списка, горящего и уплывающего по течению. Она не думала ни о завтрашнем отъезде, ни о вчерашних

ошибках. Она просто была. Частицей этой реки, этого неба, этого момента. Время потеряло свою власть, растеклось, как облако над головой.

Она не знала, сколько прошло — десять минут или час. Но когда она вышла на берег, кожа стягивалась от быстро высыхающей воды, а внутри царил непривычная, оглушительная тишина. Чистота.

Вернувшись домой загорелой, с мокрыми волосами и просветленным лицом, она застала на кухне умопомрачительный аромат. Пирог золотился на столе, его верхняя корочка блестела, как полированный янтарь.

— Ну вот, — с гордостью сказала Лидия Ивановна, мастерским движением ножа отломив макушку и протянула Анне на льняной салфетке. — Пробуй. Часть нашего общего труда.

Анна откусила. Хруст слоеного теста, дымная гречка, нежное мясо, и вдруг — взрыв, яркая, терпко-сладкая кислинка малины и облепихи. Это был не просто вкус. Это был вкус дома, труда и покоя, собранный в одной ложке.

— Лидия Ивановна, это... это невероятно! — пробормотала она, чувствуя, как по щеке непроизвольно скатывается слеза. От счастья. От простоты. От осознания, что она это сделала.

— А ты что хотела? — фыркнула та, но глаза её сияли. — Рецепт сто лет. В нём души всех, кто его готовил. В том числе и твоя теперь. Бери, неси Дмитрию. Пусть тоже оценит. Мужское мнение — оно хоть и глупое, но нужное. Как соль в тесте.

С треугольником ещё тёплого пирога, бережно завернутого в салфетку, Анна отправилась в «Листок». Она несла не еду. Она несла часть своего дня, часть своих усилий, кусочек этого нового, обретенного спокойствия.

В чайной пахло сандалом и сушёным яблоком. Дмитрий перебирал какие-то коробки с чаем, но, увидев её, отложил всё в сторону.

— Пахнет битвой, — улыбнулся он, заметив её загорелые плечи и влажные, пахнущие рекой волосы. — И победой.

— Это не я, это пирог, — рассмеялась она, протягивая свёрток. — Домашний. Курник. Я... ну, я помогала. Месила.

Он развернул салфетку, и его брови поползли вверх.

— Серьёзно? Это ты?

— Не одна, — честно призналась Анна. — Но тесто я месила. И цветок лепила.

Он отломил кусок, попробовал, медленно прожевал, и на его лице появилось то самое, редкое выражение — выражение чистого, безоговорочного блаженства, когда человек на мгновение выпадает из реальности.

— Анна, — сказал он, наконец проглотив. — Это гениально. Ты не представляешь, как это... живое. Настоящее. После всей этой магазинной пластмассы.

Он заварил свежий чай, что-то белое, цветочное и невесомое, и они уселись на привычном месте у окна. Пили чай, ели пирог, и разговор тек сам собой — о ни о чём и обо всём сразу. О том, как смешно фыркают ежи по ночам, о лучших способах сушить мяту, о глупости мировых новостей, которые отсюда, из этой чайной, казались абсурдным театром.

— Завтра, — сказала Анна, отламывая ещё кусочек. — Мы идём на луг. Все вместе. Катя уже организовала.

— Знаю, — кивнул Дмитрий. — Она мне устроила подробнейший брифинг. Я назначен ответственным за иван-чай и хорошее настроение.

Они сидели до самого вечера, пока за окном не начал сгущаться сиреневый сумрак. Анна смотрела на него и думала, как странно: всего несколько дней назад он был для неё просто «парнем из чайной», а теперь его присутствие стало таким же естественным и необходимым, как шум реки за окном.

Возвращаясь домой, она не включала музыку в наушниках. Она шла и слушала вечерний Светлогорск: лай собак, крики детей, доносящиеся из окон запахи ужинов. Она чувствовала лёгкую усталость в мышцах, приятную сытость и тепло от простого человеческого общения. Этот день не был наполнен яркими событиями. Он был наполнен смыслом. И он пах хлебом, речной водой и тишиной, которая наконец-то поселилась внутри. Это был день, когда она не бежала, а шла. Не потребляла, а создавала. И это ощущение было слаще любого пирога.

Глава 8. Прощальный вечер

Последний день в Светлогорье начался с того, что Анна проснулась с уже знакомым ощущением щемящей сладости в груди — предвкушением счастья и одновременно горечью скорого прощания. Воздух в комнате был свеж и прозрачен, словно специально отполирован для этого особенного утра.

Как и было обещано, они втроем — Анна, Катя и Дмитрий — отправились на луг. Но на этот раз Дмитрий пришел не с пустыми руками. Через его плечо была перекинута холщовая сумка с несколькими маленькими мешочками и парой плетеных корзинок.

— Ну что, — сказал он, окидывая взглядом цветущее море, — приступим к главному делу. Катя, ты отвечаешь за душицу и зверобой — ищешь самые ароматные верхушки. Анна, ты со мной. Будем охотиться на иван-чай.

Луг встретил их оглушительной, звенящей тишиной, нарушаемой лишь гулом пчел и трелями жаворонков. Они зашли в самую гущу, и Дмитрий остановился у высоких стеблей с кистями розовых цветов.

— Вот он, царь луга, — он бережно провел рукой по стеблю. — Иван-чай, или кипрей. Чтобы он раскрылся в чае, его нужно не просто сорвать. Его нужно понять.

Он показал Анне, как выбирать правильные растения — не отцветающие и не совсем бутоны, а в самой полной силе.

— Собирай так, — Дмитрий ловким движением сверху вниз провел по стеблю, снимая в ладонь несколько листьев, но оставляя цветок нетронутым. — Бери только треть листьев с каждого растения, и оно продолжит цвести и радовать других. Мы не завоеватели, мы гости здесь.

Анна попробовала повторить. Пальцы скользили по бархатистой, прохладной поверхности листа. Это требовало сосредоточенности и нежности. Она погрузилась в процесс, забыв на время обо всем.

— А что дальше? — спросила она, заглядывая в свою плетенку, где уже лежала небольшая горсть изумрудных листьев.

— Дальше — магия, — улыбнулся Дмитрий. — Листья нужно немного подвялить, потом скрутить в ладонях, чтобы они пустили сок. Потом ферментировать в тепле под влажной тканью, а уж потом сушить. Весь процесс — два-три дня. Это медитация. Ты вкладываешь в него время, терпение, свои мысли... и получаешь не просто напиток, а часть себя, законсервированную в аромате.

Он говорил, а Анна слушала, завороженная. Это был не урок ботаники, а философская притча.

— Так и с людьми, — тихо добавил он, срывая стебель душицы. — Самые крепкие связи рождаются не мгновенно. Им нужно время, чтобы «скрутиться», «пустить сок» и «пропотеть» вместе. Только тогда получится что-то настоящее.

Они бродили по лугу, и Дмитрий превращался в волшебного гида. Он показывал ей таволгу, пахнущую медом, и объяснял, что ее можно добавлять для сладости вместо сахара. Нашел коврик из чабреца и заставил Анну растереть в пальцах несколько листиков, чтобы она навсегда запомнила этот пряный, теплый запах.

— Каждое растение — это история, — говорил он. — Иван-чай — это сила и стойкость, он первым вырастает на пожарищах. Душица — это уют и тепло, как бабушкина кухня. А мята... — он усмехнулся, — мята — это легкомыслие и спонтанность. Как у некоторых.

Анна фыркнула, но была тронута до глубины души. Она смотрела на его руки — сильные, уверенные, но обращающиеся с хрупкими стебельками с бесконечной бережностью. В этот момент она поняла, что влюблена. Не в романтическую идею, а в этого конкретного человека — молчаливого, мудрого, с странным и прекрасным взглядом на мир.

Катя в это время носилась по лугу, наполняя свою корзинку всем подряд и периодически подбегая к ним с восторженными возгласами: «Смотрите, какой клевер! А это что? Можно брать?»

Потом, насытившись сбором, они повалились в гущу цветов. Лежали на спине, смотрели в бесконечно синее небо и молчали. Это молчание было громче любых слов — оно было наполнено доверием, покоем и легкой грустью. Катя вдруг взяла Анну за руку и крепко сжала.

— Ты обязательно вернешься, — сказала она не как вопрос, а как констатацию факта. — А то я без тебя новый рассказ не допишу.

— Обязательно, — шепнула Анна, чувствуя, как в горле встает ком.

И тогда Дмитрий, словно желая разрядить обстановку, начал сочинять смешные частушки про каждую травинку.

— Эх, душица-молодица, будешь ты красой ломиться! — напевал он фальцетом. — А иван-чай-богатырь — для Анны стал как будто бырь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.